

УДК 008

ИСКУССТВО И ИСКУССТВЕННОЕ

В.Б. Гухман

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья сфокусирована на осмыслении роли искусства в искусственной среде человеческой культуры. Рассматриваются некоторые аспекты сотрудничества искусства с современным миром искусственного, социально-психологической роли искусства, взаимосвязи его эстетического и этического измерений.

Ключевые слова: искусство, искусственное, красота, польза, чувство, логика, эстетика, этика.

*Живое сердце...не может жить
в металлической среде.*

Н.А. Бердяев

Очевидно, что «искусство» и «искусственное» имеют родственные корни. И так же как пути родных братьев и сестёр по мере их взросления в той или иной мере расходятся, так и пути искусства и искусственного разошлись настолько, что под ними стали понимать совершенно разные ипостаси с разными системами ценностей, ориентированными у искусства преимущественно на прекрасное (красоту), а у искусственного – больше на пользу. Об этом написано и сказано слишком много, чтобы повторяться.

По мере неуклонного развития рациональной науки, телевидения, Интернета, искусственного интеллекта, виртуалистики, компьютерно-коммуникационных и прочих информационных инноваций научно-технический мир искусственного всё глубже вторгается в область человеческой духовности и душевности – сакральную область искусства, религии, психики, этики. В результате нам не миновать встречи искусства с искусственным. Каковы же последствия этой встречи?

Первый вопрос: возможно ли сотрудничество искусства и искусственного?

Представляется, что здесь более уместна модальность долженствования, а не возможности. Современное искусство и искусственное обязаны сотрудничать, как «сотрудничают» дух, душа и тело человека или два полушария его мозга, которые выполняют разные, но взаимодополняющие функции. Ведь в искусстве, наряду с внетелесным творчеством духа и эстетическими душевными переживаниями, присутствует материально-энергетическая «техника выражения», использующая, кстати, и технику без кавычек. В свою очередь, искусственное не может игнорировать достижений искусства. Например, без должного дизайна, приемлемого человеческого чувствам, и связанной с ним эргономичности ни одно современ-

ное техническое изделие не может быть аттестовано для практического использования в эргатических (человеко-машинных) системах. Другие примеры: художники, музыканты, хореографы, поэты востребованы в Web-мастерских, оформляющих сайты, блоги, баннеры Интернета; конвейерное производство искусственных товаров массового потребления часто пытается копировать «штучные товары» – произведения искусства.

Уже несколько поколений людей погружены в искусственную повседневность, не мысля себя вне автомобилей, смартфонов, компьютеров, химического парфюма, бытовой техники, комфортабельных жилищ, офисов и т.п. Однако это не мешает им посылать духовные запросы искусству, даже тем, кто (как им кажется) чужд духовности: «Сделайте мне красиво!» (В. Маяковский, «Клоп»).

Наконец, в любой профессии, связанной с искусственным, среди сонма заурядных исполнителей и подражателей попадаются искусные мастера, предпочитающие совмещать в результатах своего труда пользу искусственного с красотой искусства, испытывая при этом эстетическое наслаждение, которое, в свою очередь, находит адекватный эстетический отклик у пользователей продукта. Даже создание компьютерных программ (софта) «может вызвать... эстетические переживания, подобные тем, которые испытывают творческие личности при написании музыки или стихов» (Д. Кнут «Искусство программирования», предисловие). Известно, что информационная ёмкость компакт-диска была выбрана японскими разработчиками так, чтобы на нём полностью поместилась девятая симфония Бетховена – любимое произведение вице-президента «Sony».

Сотрудничество искусства и искусственного восходит к античной традиции триединства «POIESIS – MIMESIS – TECHNÉ» (творческое вдохновение – подражательное воспроизведение – ремесло выражения). В истории искусства значимость каждой из триединных составляющих изменялась. Так, с переходом от классического искусства («classic art») к «modern art» и, наконец, к «postmodern art» усилилось влияние TECHNÉ через искусственные средства коммуникации, связанные с феноменом массовой культуры, в частности, с его культом потребления и успеха. Американский джаз в своих ранних формах (регтайм, диксиленд, блюз, свинг, рок-н-ролл), исповедуя POIESIS и MIMESIS, с восторгом воспринимался публикой на всех континентах, чего не скажешь о более поздних формах (бибоп, авангард), ориентированных больше на TECHNÉ и ценимых, в основном, в узком кругу самих джазменов.

Аналогичная тенденция характерна и для восприятия поэтических TECHNÉ-новаций массовым читателем (ценившим больше POIESIS) и самими литераторами. Так, русские поэты – символисты, футуристы, акмеисты, авангардисты – имели и пока имеют меньшую аудиторию читателей, нежели поэты, придерживающиеся классического стиля. Со временем, конечно, всё может измениться. Ведь не каждого современного ценителя поэзии посещает эстетическое наслаждение при чтении Гомера, Ови-

дия или Тредиаковского. Возможно, недалеко время, когда поэтическими кумирами читателей станут А. Белый, В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, И. Бродский и им подобные новаторы, давно ценимые в литературном сообществе, а верлибр из поэтических экспериментов начала XX в. превратится в обыденность поэтического искусства.

Полагаем, в неизбежном «браке» искусства и искусственного первое не должно задохнуться в объятиях второго. Искусство первично во все времена.

Второй вопрос: насколько глубоким допустимо сотрудничество искусства и искусственного?

Данный вопрос сродни вопросу о допустимой степени сотрудничества человека и природы. Полагаем, человечество уже доросло до понимания, что, отвечая на такой вопрос, следует руководствоваться неким порогом «терпения природы», переступить который человеку (при всех его амбициях) не дозволено, дабы не погубить природу и весь род людской. Аналогично, пытаясь обозначить допустимую степень сотрудничества искусства и искусственного, должно осознавать существование «порога терпения» искусства, переступить который не дозволено во избежание гибели искусства. Ведь и природа, и искусство трогательно ранимы, и, хотя они явно не призывают к нам (возможно, «из гордости»), их адаптивные способности беспредельно эксплуатировать недопустимо.

Изначально искусство алогично, а искусственное – продукт логического мышления. Поступки многих людей (особенно, не достигших зрелости) часто алогичны – импульсивны, интуитивны, мотивированы не столько рассудком, сколько впечатлениями, эмоциями, воображением, инстинктами, желаниями. Такие люди склонны к художественному творчеству и эстетическому познанию, их призвание – искусство. Их рассудительные сверстники, склонные вначале думать, принимать логически взвешенные решения и только потом действовать, призваны к научному познанию и переустройству окружающего мира. Их призвание – наука и техника. Но даже «в научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии. Настоящая наука и настоящая музыка требуют однородного мыслительного процесса» (А. Эйнштейн); «...математика – один из видов искусства» (Н. Винер). Полагаем, что и медицина, прежде всего врачевание, больше искусство, чем наука. Науке привычны понятия «изящная теория», «красивое решение (доказательство)», «искусство эксперимента» и др. Многие научно-философские трактаты древности и Средневековья известны как поэмы (Эмпедокл, «О природе»; Тит Лукреций Кар, «О природе вещей»; Ибн Сина, «Поэма о медицине (урджуса)» и др.). Иными словами, творческое вдохновение и сопутствующие ему эстетические переживания свойственны в сопоставимой мере деятелям искусства и искусственного (науки и техники) – учёным, изобретателям, инноваторам, инженерам, умельцам-самоучкам.

Но не менее, а, возможно, более важна проблема отношения социума к таким «творческим восторгам» – в сопоставимой ли мере испытывает он в своей массе эстетическое удовольствие, соприкасаясь с произведениями искусства и искусственного? И здесь приходится констатировать существенную разницу в восприятии этих произведений, что обусловлено различием языковых практик, используемых искусством и искусственным. Искусство обычно обращается к человеку на *языке понимания*, в то время как искусственное, как правило, – на *языке объяснения*.

Согласно Библии в глубокой древности «на всей земле был один язык и одно наречие» вплоть до Вавилонского столпотворения, которое Бог пресёк, смешав язык «так, чтобы один не понимал речи другого» (Ветхий Завет, Бытие, 11), в результате по замыслу Бога, люди отказались бы от совместного возведения башни (столпа) до небес и рассеялись бы по всей земле¹. Иными словами, язык понимания во все времена объединяет людей, не требуя перевода с одного этнического языка на другой, потому что он обращён к общечеловеческим экзистенциальным глубинам личностного «Я», к каждой человеческой душе (психике, мировосприятию) и надмирному духу (мировоззрению) человека. Соответственно, язык понимания далёк от искусственных логик (формальной Аристотеля и математической Дж. Буля) и алгебры логики К.Э. Шеннона, но близок к герменевтике Х. Гадамера и понятийному мышлению Л. Выготского. Понимание искусства объединяет всех людей в человечество.

В свою очередь, этнически обособленные языки объяснения разъединяют этносы, требуя перевода с одного языка на другой и будучи связанными с этимологией и логикой родных языков. В ещё большей степени связаны с логикой искусственные языки объяснения, в том числе искусственные языки международного общения (порядка восьмидесяти языков, наиболее популярный – эсперанто) и языки программирования (порядка двухсот языков разного, в основном компьютерно-сетевого, назначения). Машины в лучшем случае «понимают» только команды, облечённые в морфосинтаксическую форму того или иного языка объяснения (текстового, механического, химического, электромагнитного, цифрового и др.). До понимания семантики команд и, тем более, их скрытого смысла машине пока не подняться. Так, попытки нескольких поколений программистов создать компьютерный «алгоритм понимания», подобный человеческому алгоритму понимания, пока не увенчались успехом². Компьютер понимает только команды, переведённые программой-транслятором с языка программирования в элек-

¹ Обнаруженные археологами следы вавилонской башни-зиккурата датируются вторым тысячелетием до н.э.

² Периодически появляющиеся сенсационные сообщения об успехе – не более чем «мыльные пузыри». Интеллектуальные роботы и анонимные роботы-коммуниканты в Интернете якобы самостоятельны и адаптивны в жёстких функциональных пределах, предписанных логикой программ.

тронный двоичный код – язык объяснения, доступный одно- или много-ядерному процессору.

Из изложенного вовсе не следует, что объяснение и понимание несовместимы в искусстве или искусственном. Так, хотя музыка и вокал вызывают к слушателю и воспринимаются им на языке понимания, в них используются нотный и итальянский языки объяснения. Тексты, написанные на языках объяснения, используются в художественной литературе, драматургии и т. п., обращаясь к читателям, зрителям и слушателям на языке понимания этих текстов. «Следы» языков объяснения можно найти и в живописи, ваянии, архитектуре, танце, пантомиме, кино. Единственно, где язык объяснения неуместен, по нашему мнению, это при попытках искусствоведов и экскурсоводов объяснить замыслы творцов художественных произведений и смысл последних. Улыбку Моны Лизы надо лицезреть без всякого объяснения, как и слушать музыку Моцарта и Рахманинова или многократно смотреть полюбившийся мультфильм. Также вызывает сомнение необходимость в художественной критике и преподавании искусствоведения, ибо вызвать чувство в человеке (расшевелить его душу), как это делает истинное искусство, никакая критическая статья об искусстве, никакое объяснение преподавателя не способны. Тогда зачем они?

Некоторые попытки вторжения искусственного в мир искусства по-своему интересны – электронная музыка, компьютерные живопись, поэзия, проза, киноэффекты и др. Но искусство ли это?

В произведение истинного искусства талантливый человек вкладывает свою душу, а гениальный – свою душу и нисходящий на него дух. В каком пространственно-временном континууме встречаются негаснущие искры душ и духа творцов, исходящие от их искренних творений, с нашими душами, зажигая в последних благоговейный трепет и сопереживание? Как происходит это неизъяснимое соприкосновение и заражение? Здесь тайна, которую разгадать нам не дано да и по крупному счёту противопоказано. На то она и тайна!

А вот к своему искусственному произведению (клишированной репродукции или подделке шедевра, продукту ума и холодного расчёта шоу-бизнеса, логики, электроники и т. п.) душа и дух автора(ов), как правило, безразличны, и соответственно такое произведение не находит эстетического отклика в душах людских. Даже если в некоторых случаях искусственному произведению нельзя отказать в своеобразной душевности (например, в мастерски подделанных живописных полотнах), всё равно, как правило, приходится воспринимать его только умом. В частности, искусственный мир электроники жестоко экранирует (подобно «железному занавесу») любые эстетические порывы своими бездушными корпускулярно-волновыми субстратами и полями. Одно дело разглядывать живописные шедевры в Лувре, Эрмитаже и Сикстинской капелле Ватикана, и совсем другое – на Интернет-картинках, пусть и профессио-

нально анимированных. Одно дело слушать симфонический оркестр или рок-исполнителей вживую, и совсем другое – на компакт-диске. Какова природа и механизмы подобной взаимной «неприязни» человеческой души и электроники, остаётся только догадываться (ещё одна тайна!).

Поэтому полагаем, что живописцы, музыканты и певцы из искусственного мира компьютерных картинок, синтетической музыки и фонограмм, программы-поэты и программы-прозаики³, авторы виртуальных трюков не вправе претендовать на какое-либо место в искусстве. Ведь искусство – это сама жизнь, а искусственное – лишь продукт жизни.

Встреча с искусством – это всегда несуетный личностный акт одиночества и внутренней тишины (даже среди множества людей), когда у цветка души открываются лепестки и она готовится к опылению искусством: «Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание – всегда переживание частное» (И. Бродский). В таком акте одиноки двое, второй – это автор произведения искусства, независимо от того, жив он или нет.

Встреча же с искусственным возможна как суетный акт – под гул автомобиля, гвалт фанатичной толпы, поглощение пищи – в общем, «наедине со всеми». Цветок души при этом закрыт, его оплодотворение искусственным невозможно. Современная ставка на искусственные суррогаты оборачивается только коммерческой выгодой и умиранием искусства, что на литературной кухне, что на кулинарной, что на любой иной, где в выходной продукт вложены либо душа и дух творцов, либо меркантилизм заурядностей.

Конечно, приведенные размышления правомочны, если только наши души открыты прекрасному, жаждут его, а не только «хлеба и зрелищ», как жаждал ревуший плебс Древнего Рима и, возможно, ожидает от массовой культуры современный потребительский социум.

Какова судьба искусства в обозримом будущем?⁴

Полагаем, что пока живо человечество, искусство будет жить. Ведь таланты и гении взрастали на художественной ниве во все времена, даже не самые лучшие для свободного творчества. Потенциальный талант или гений есть в каждом ребёнке за потайной дверцей его чистой души. Вот только ключ от этой дверцы родители, воспитатели и педагоги чаще всего либо не могут отыскать, либо, отыскав, тут же теряют за кажущейся им ненужностью. В тех редких случаях, когда дверца всё же открывается, появляются очередные Микеланджело, Шекспир, Бетховен, Пушкин, Карузо, Чаплин, Плисецкая, Маккартни, Цой. Талантов

³ Появились «сетература», «стихомасса», «Кибер-Пушкин», алгоритмы «поиска рифмы» и создания коммерческих текстов-однодневок «киберпрозы» с «высоким коэффициентом актуальности», «стихописательный виртуал» и т. п. (см.: <https://xaker.ru>).

⁴ О будущем искусственного заботиться вряд ли стоит – оно само о себе позаботится.

и гениев искусства сравнительно немного в человеческой массе, но именно их вклад в общечеловеческую культуру – один из самых весомых (наряду с вкладами Платонов и Кантов, Ньютонов и Эйнштейнов, Уаттов и Королёвых, Джобсов и Гейтсов). «Искусство есть один из двух органов прогресса человечества. Через слово человек общается с мыслью, через образы искусства он общается чувством со всеми людьми не только настоящего, но прошедшего и будущего» (Л.Н. Толстой).

Не противоречит ли мысли Толстого о социальной роли искусства сентенция Бродского о психологической камерности эстетического влияния искусства на отдельную личность? Полагаем, что противоречия нет при условии, что психологический индивидуализм эстетического восприятия имплицитно подразумевает общечеловеческую этику как социальный продукт. Согласно категорическому императиву Бродского «эстетика – мать этики». Так ли это?

Чувство творца художественного произведения через эстетическое восприятие каждой личности, знакомящейся с произведением, всегда воспитывало этическое начало некоторого социума и в потенциале – всего человечества: «Красота спасёт мир» (Ф.М. Достоевский). Но для созидания социальной этики как возможного любимого дитяти эстетики (по Бродскому) необходимо, как минимум, эстетико-этическое восприятие произведения искусства каждым членом социума или хотя бы т. н. «критической массой» социума. Иными словами, воспитательная роль искусства в обществе реализуема только при наличии социально значимого контингента воспитуемых с более-менее одинаковыми эстетическими пристрастиями. Возможно ли «слиться в экстазе» эстетических переживаний не двум-трём родственным душам, а массе разных душ? Мы интересны постольку, поскольку все мы разные, не «скованные одной цепью» и не «связанные одной целью» (В. Бутусов). Социум – не толпа со стадными эстетическими инстинктами. Поэтому социально-этическая роль искусства (по Толстому и Достоевскому) представляется нам «манящим перстом» для уловления очарованных искусством человеческих душ в миры морали и нравственности (по Гегелю это разные, хотя и связанные миры). А уж откликнутся души на это мановение или нет, для каждой души есть дело сугубо личное, а не общественное.

В понятиях математики как «философии науки» эстетику в социальном смысле можно представить в виде некоего многомерного «интеграла» бесконечно малых эстетических предпочтений (установок), собственных конечному социуму (математическому множеству его членов). Мерность (кратность) такого «интеграла» равна числу переменных интегрирования, т. е. числу жанров искусства. А уж как интегрировать частные разновекторные эстетики в общую одновекторную и какой-то функцией связана последняя с социальной этикой (красота с миром), оставим для воображения авторов социально-гуманитарных гипотез.

С другой стороны, издревле и поныне известны безнравственные эстетсы и нравственные гонители искусства, причём и те, и другие имели и имеют весьма субъективные представления об эстетике и этике. Впрочем, у каждого из нас тоже своё, личностное видение эстетики и этики, не всем понятное и не всеми одобряемое. И если человеку кажется, что он всеобщее обожаемый «белый и пушистый паинька», то можно быть уверенным на сто процентов, что кому-то он, если и не отвратителен, то по крайней мере не нравится.

В целом полагаем, что эстетика и этика, скорее не мать и дитя, а сёстры, жизненные пути которых иногда пересекаются, иногда расходятся по внутренним (семейным) и внешним причинам, как у любых родственников. К числу внешних причин мы бы отнесли и периодические взаимовлияния, с одной стороны, мира сестёр, именуемых Эстетикой и Этикой, с другой стороны, мира искусственного. Ведь искусственное вхоже не только в искусство, но и в этику человеческих отношений: одна мобильная телефония чего сто́ит!

Проблема отношения искусства и искусственного в обозримом будущем не потеряет своей актуальности. По нашему мнению, она только усугубится.

Список литературы

1. Толстой Л.Н. Что такое искусство?/ Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 15. С. 41–221.
2. Бродский И.А. Нобелевская лекция, 1987. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt>

ART AND ARTIFICIAL

V.B. Gukhman

Tver State Technical University, Tver

The essay is focused on the role of art in the artificial human culture world. Some aspects of cooperation of art with the contemporary artificial world, of art social and psychological role, its esthetical and ethical dimensions are analyzed within the essay format.

Keywords: *art, artificial, beauty, advantage, feeling, logic, esthetics, ethics.*

Об авторе:

ГУХМАН Владимир Борисович – д. филос. н., к.т.н., проф. ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: gukh39@yandex.ru.

Author information:

GUKHMAN Vladimir Borisovich – Ph.D., Prof.; Tver State Technical University, Tver. E-mail: gukh39@yandex.ru.